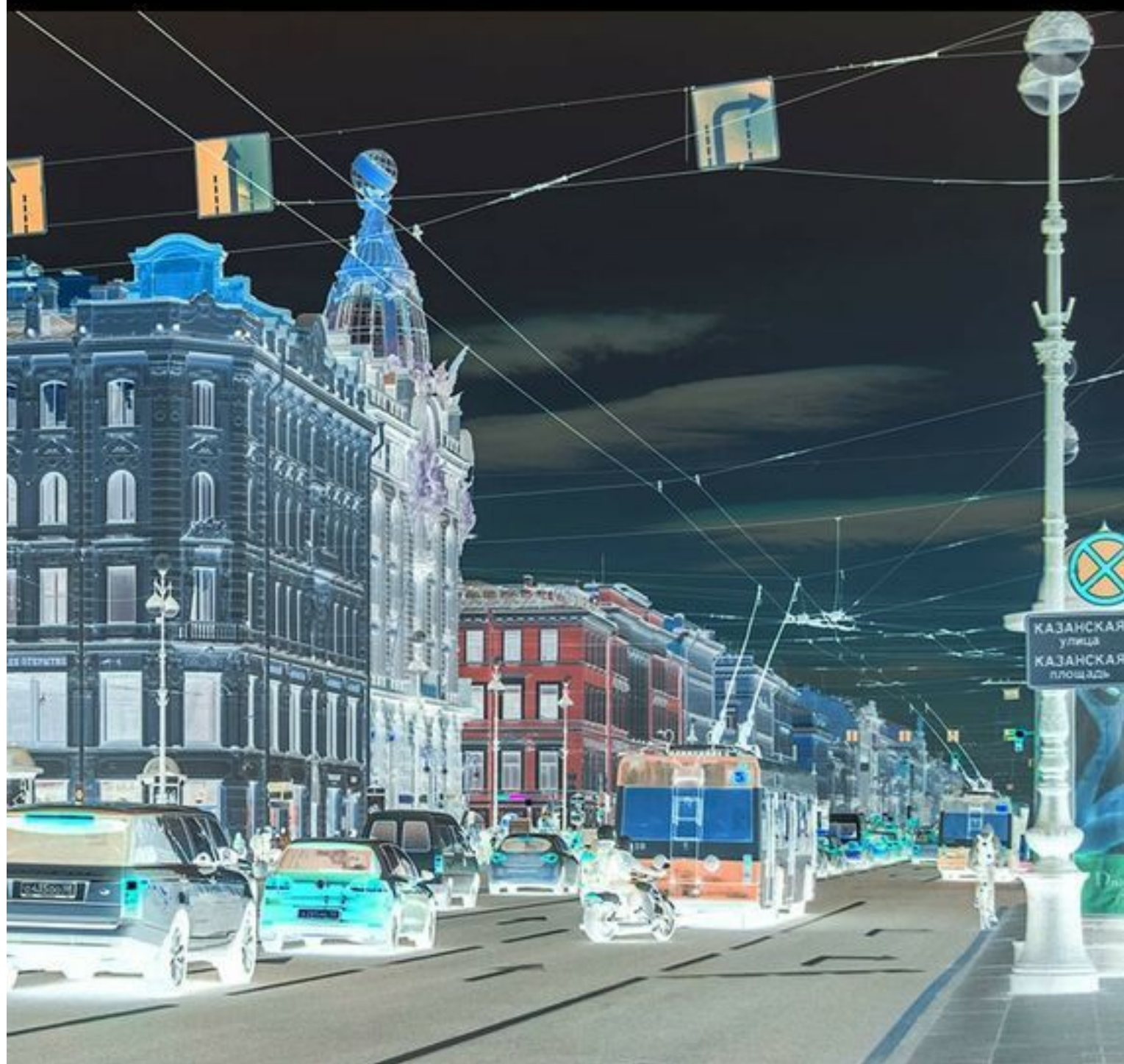


Владимир Романовский
Наваждение

петербургская новелла



Владимир Романовский

Наваждение

«Издательские решения»

2015

Романовский В. Д.

Наваждение / В. Д. Романовский — «Издательские решения»,
2015

Эта невероятная история произошла в Санкт-Петербурге с женщиной самой обыкновенной. А могла бы и с тобою, читатель, произойти!

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наваждение
петербургская новелла
Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

А жила однажды, дамы и господа, не очень молодая женщина невысокой степени привлекательности, но не уродина. Жила она в городе Петербурге, в Российской Федерации; от Москвы это километров шестьсот, если никуда не сворачивать; а звали женщину Фотина Олеговна Плевако. Фотина рифмуется точно с такими словами как картина, детина, щетина, а также приблизительно с *forza del destino*.

Жила она в квартире неподалеку от Проспекта Стачек, с малолетним сыном Колей и мамой Крессидой Андреевной. Работала в заведении, специализирующемся на чистке одежды остроумными способами, и числилась на должности отпарщицы, хотя по ходу трудового дня ей приходилось делать много разного, не связанного с паром – то пол помыть, то сбегать за кофе для хозяина, молодого, не очень опрятного мужчины по имени Ахмед.

Сын ходил в школу получать знания и общаться со сверстниками, мама вязала шарфы, варежки, и уже лет пять подумывала купить вязальный аппарат для производства свитеров на продажу. По вечерам пили чай с колбасой и печеньем и смотрели передачи по телевизору о том, какие люди хотят вступать в брак и сколько у них дохода, а также о том, что такое настоящий патриотизм, и что такое настоящий юмор, и сопереживали участникам передач. Сын Коля сидел за компьютером и обменивался шутивными посланиями через телефон с разными своими знакомыми.

Отец Коли уехал не то в другой город, не то вообще в другую страну, зарабатывать большие деньги, еще до того, как Коля родился, и с тех пор знать о себе не давал, да и не был он женат на Фотине Олеговне, зачем? Мать, Крессиды Андреевны, была во время оно категорически против встреч дочери с отцом Коли, и говорила, что он, отец Коли, ее, Фотину, сперва забеременеет, а потом бросит, что и случилось, и с тех пор мать, когда приходила пора поругать Фотину за что-нибудь, не уставала напоминать о своей прозорливости и мудрости, наставительным тоном сообщая, что следовало ей, Фотине, ее, Крессиду Андреевну, слушать, а теперь ей, Фотине, в свете ее тупости, осталось только локти кусать и зубы на полку класть. Нечего было шлаться. Шлюха была, шлюха и есть, только теперь не берет никто, брезгуют – и возраст давно не тот, и ребенок. А всё сама виновата, нужно было слушать, что старшие говорят, они через многое прошли лично. А ребенку, между прочим, нужен отец – и где ты его теперь возьмешь? И так далее.

Сына Колю кусание локтей и помещение зубов на полку поначалу, когда он только начал понимать речь, пугали, а потом он привык.

И вот как-то раз, дамы и господа, когда Коле было двенадцать лет и жизнь шла своим народовластным чередом, пришло на имя Фотины письмо из учреждения под названием «Комиссия по распределению фондов в пользу матерей-одиночек». В письме сообщалось, что, поскольку Фотина живет в квартире с матерью, которая получает досрочную пенсию, то и не является Фотина в полном формально-техническом смысле матерью-одиночкой. В свете этого учреждение сожалеет, что, несмотря на незавидное Фотины положение, оно, учреждение, ничем не может ей, Фотине, помочь. Но за услуги, оказанные Фотине учреждением, должна Фотина учреждению «перечислить в уплату» девятьсот пятьдесят рублей.

Фотина, читая письмо, сперва нахмурилась, а потом еще нахмурилась, и перечла письмо два раза. Она точно помнила, что ни в какие учреждения с длинными названиями давно не обращалась, и платить за услуги не обещала. Немного поразмыслив, она решила, что это, конечно же, происки матери. Жадная мать обратилась, возможно даже для конспирации назвавшись ее, Фотины, именем, по телефону, в учреждение, в надежде получить что-нибудь, и вот, пожалуйста – теперь Фотина должна оплатить какой-то счет. Деньги не то, чтобы очень большие, а все же как-то обидно.

Следовало дать понять матери, какая она сволочь старая. Для пушего эффекта Фотина не стала сразу говорить, что вот, мол, из-за тебя мне теперь счета присылают с требованиями, изволь разобраться, кровопийца; а строгим тоном спросила мать:

– Тебе знакомо такое учреждение, «Комиссия по распределению фондов в пользу матерей-одинок»?

Мать, которую насторожил тон дочери, сузила глаза, и сказала:

– Какое еще учреждение? Я опять вчера весь вечер посуду мыла. Я что вам, домработница тут? Служанка? Гризетка?

Настроение Фотины, и без того плохое, дополнительно ухудшилось – мать не желала не только признаваться в свершённом ею негодяйстве, но даже понимать суть вопроса. Испортила эффект. Все же Фотина повторила, чуть повысив голос и стараясь говорить ледяным тоном:

– Нет, тебе знакомо учреждение?

– Я тебе покажу учреждение! – пообещала грозно мать.

Тогда Фотина резким движением подняла руку, держащую письмо, с тем, чтобы письмо оказалось прямо перед лицом матери. Но мать была в тот момент без очков, и из-за дальнорзости не могла разобрать, что там, в письме, написано. Расстроилась и оскорбилась, выхватила письмо из руки дочери и бросила его на пол. И закричала:

– Ты мне только посмей тут руки распускать, тупица кривоногая! Я который год без вязальной машины сижу, так меня же еще и унижают! Ты забыла, чья это квартира? Ты забыла, что я не обязана тебя тут держать, шлюха, вертихвостка поганая?

Фотина, у которой, кстати сказать, ноги были вовсе не кривые, нормальные были ноги, и даже икры красивого рисунка, разве что косточки на ступнях торчат слегка от ношения дешевых узких туфель в юности, подняла письмо с полу, порвала его в клочки, и кинула матери в лицо. Мать на мгновение оторопела, а Фотина кинулась в спальню, где сидел сын Коля, и там заперлась. Мать, преодолев оцепенение, побежала за нею и стала колотить в дверь, выкрикивая страшные ругательства и требуя «сию секунду» открыть, и убираться из ее квартиры на все четыре стороны вместе с выблюдком. Минут через пять она слегка успокоилась, а потом соседи позвонили в дверь, не Валерий Палыч, умный, интеллигентный человек, тот жил слева, а которые справа; и она пошла с ними разбираться. Сын Коля в наушниках перекидывался сообщениями по телефону, временами хихикая, и на скандал внимания не обратил – он давно к скандалам матери с бабушкой привык и воспринимал их философски, с оттенком флегматичности.

Некоторое время мать курсировала между проходной комнатой и спальней, готовая к возобновлению конфликта.

Сын Коля, утомленный длительной перепиской по телефону, начал зевать, прилег, и почти сразу уснул, не раздеваясь. Фотина сняла с него ботинки и куртку, вышла из спальни и, проигнорировав враждебный взгляд матери, проследовала в ванную. Мать пошла за ней, но внутрь Фотина ее не пустила, и на все наскоки матери требовала, чтобы та шла спать, потому что ей, Фотине, в отличие от некоторых злобных старух, которым целый день делать нечего, завтра встать рано и до работы добираться.

Помывшись и почистив зубы, Фотина в халате, с чулками, трусиками и лифчиком в руках, вышла в проходную комнату и увидела, что мать сидит в кресле под лампой, читает еженедельную газету, и принципиально Фотину не замечает, как будто Фотина уехала в прошлом году на Камчатку и с тех пор не возвращалась. Фотина разложила раскладывающийся диван с продавленными пружинами, поставила под него тапочки с помпонами, легла, и почти сразу уснула, несмотря на почти непрерывный сердитый шелест переворачиваемых газетных страниц под лампой, выполненной под антиквариат. Мать к утру уснула в кресле, хотя обычно она спала в спальне по соседству с внуком.

2

Утром мать с дочерью продолжали делать вид, что не замечают друг друга. Фотина приготовила сыну завтрак, помылась, оделась, и ушла на работу. До работы ей нужно было ехать сперва на метро, а потом на троллейбусе, в общей сложности час, иногда час и десять минут. Раньше она пыталась искать работу поближе к дому, но ее никто не хотел нанимать, и она махнула рукой – слишком много хлопот, и слишком эфемерна выгода.

Прошла неделя, и Фотина снова получила письмо от «Комиссии по распределению фондов в пользу матерей-одиночек», в котором сообщалось, что за отсутствием платежа получается дополнительная плата, и теперь Фотина должна учреждению одну тысячу триста пятнадцать рублей с копейками. Фотина молча положила письмо перед матерью, прямо на журнал с кинозвездами, который мать в этот момент читала. Мать от неожиданности отпрянула, а потом разозлилась и закричала:

– Ты что, не соображаешь? Ты что, не видишь, что я читаю? Ты совсем с катушек слетела, свинья рыжая?

Фотина была не рыжая, а рыжеватая блондинка, и слова матери больно ее укололи, но она сдержалась, и только попыталась перенаправить взгляд Крессиды Андреевны с себя на письмо – подняв слегка подбородок и брови и поводя глазами от лица матери к письму.

– Что ты мне суешь? – спросила мать грозно. – Что это такое?

– Это твой долг. Ты задолжала, ты и плати, – сказала Фотина, хотя все счета в семье были общие.

– Какой долг? Долг, видите ли. Долг перед Отечеством, что ли? Что ты мелешь, коза дурная, шлюха бальзаковская? – спросила мать.

Но в конце концов снизошла она до брезгливого рассматривания письма – сперва поверх очков, потом сквозь очки. Увидев цифры, она невольно заинтересовалась, и, наконец, прочла первые несколько строк.

В ходе последовавшего скандала выяснилось, что мать ни в какие учреждения не обращалась, а это сама Фотина, дура, ходила в учреждение, и ее там развели, как последнюю клавишу деревенскую, и так ей, дура, и надо.

Вышел из спальни сын Коля и сказал так:

– Мам, бабушка, мне нужно завтра триста рублей на новые учебники.

Это было явное вранье, и Колю наказали, отключив ему интернет.

Через две недели пришло еще одно письмо, согласно которому долг Фотины составлял уже три тысячи семьсот рублей.

В письме наличествовал телефонный номер, и Фотина, поразмыслив, уединилась на кухне и набрала его. Сработал автоответчик, и строгим официальным женским голосом сообщил Фотине, что рабочие часы учреждения – с десяти до двенадцати, а также и с двух часов до четырех, с понедельника по четверг, и что если у нее, Фотины, есть до учреждения дело, то и следует ей звонить именно в рамках обозначенных часов. Впрочем, добавил автоответчик, если Фотине хочется оставить сообщение, она может сделать это после длинного гудка. После чего последовал длинный гудок.

Автоответчикам Фотина не доверяла, и решила, что позвонит завтра с работы.

И позвонила. Вскоре ей ответил служащий учреждения. Она сказала ему, что получила письмо со счетом за услуги и дополнительным штрафом.

– Каким штрафом? – спросил служащий, не улавливая сути.

– Штрафом, – объяснила Фотина. – Написано, что сперва было девятьсот рублей, а теперь три тысячи семьсот.

– Это, наверное, за неуплату, – предположил служащий. – Это не штраф, а процент. Если бы вы заплатили вовремя, не было бы процента. А теперь есть процент. Как, говорите, вас зовут?

– Фотина Плевако.

– Сейчас посмотрю. У нас тут сегодня система медленно работает. Плевако? Плевако ... Паустовская ... Пешкова ... Писемская ... Ага, вот, Плевако, Фотина Олеговна. Это вы?

– Да.

– Ну вот он и есть, ваш процент. Все правильно.

– Ну, хорошо, процент. Но ведь я никакие услуги не заказывала, за что же мне платить?

– Ну, что значит – не заказывали? Так нельзя, э ... Фотина ... э ... Олеговна. Так каждая шалава будет услугами пользоваться, а потом говорить – нет, не заказывала. Заплатите по счету в кассу, и все, и никаких проблем. Сумма-то не очень большая. А то вы морочите голову и себе, и мне, время зря тратите. Придите и заплатите.

– Но ведь не было услуг!

– Ну, подайте жалобу в отдел. Но сперва заплатите, иначе жалобу рассматривать не станут. Там у них строго. Я с ними сам один раз дело имел, они всегда следуют букве закона, между нами говоря. Всегда! Никаких поблажек никому.

– Нет, но, слушайте, я не могу ... может, для вас это и не очень большие деньги, да, но я работаю тяжело, и получаю копейки, это ведь не просто так ... я мать-одиночка ... у меня есть права ... я ведь не придумываю...

– Вы не волнуйтесь, Фотина Олеговна. Вы возьмите себя в руки. Придите и заплатите. Только и всего. Зачем вам переживать, волноваться из-за какой-то никчемной суммы? Лучше заплатить, и всё.

– А куда придти-то? – спросила удрученная Фотина.

– Ну, там ведь, в письме, указан адрес. Посмотрите еще раз. Указан?

Фотина посмотрела на письмо. Действительно, в правом верхнем углу указан был адрес, прямо под эмблемой учреждения. Улица Разъезжая. Между улицей Правды и улицей Достоевского.

– А вы до какого часа открыты? – упавшим голосом спросила Фотина.

– В письме указаны приемные часы.

– Не указаны.

– Указаны, не спорьте. Но сперва позвоните секретарше, назначьте прием. Она вам все объяснит.

Фотина просмотрела еще раз письмо, и увидела, что – действительно, указаны часы.

– А какой номер у секретарши?

– Номер? Номер ... Слушайте, может вы мне завтра перезвоните? А то у меня тут сейчас ... Ну, хорошо, хорошо, не волнуйтесь ... Вот он, номер. Записываете? Диктую.

Получив номер секретарши, Фотина перевела дыхание, постояла некоторое время с закрытыми глазами, а затем позвонила. Сработал автоответчик, сказав голосом (очевидно, секретарши), что в данный момент она (предполагаемая секретарша) не может подойти к телефону, а нужно оставить сообщение, и она перезвонит, как только сможет. Фотина посмотрела на часы. Начался обеденный перерыв.

После обеда Фотина снова позвонила секретарше, и, снова попав на автоответчик, оставила сообщение. Дескать, она, Фотина Плевако, желала бы назначить встречу с целью оплаты счета за услуги со штрафом ... с процентом. Подумала – добавить ли про отдел жалоб, и решила не добавлять. А то секретарша заподозрит неладное и не перезвонит. Впрочем, секретарша и так не стала перезванивать.

3

Вечером Фотина, посомневавшись, в тревоге, решила посоветоваться с матерью. Крессида Андреевна, презрительно слушая дочь, и вставляя время от времени едкие замечания, сказала, что Фотина во всем виновата сама, но, наверное, нужно что-то сделать, иначе «Комиссия по распределению фондов в пользу матерей-одиночек» может обратиться в суд, и Фотину будут судить. Фотине ранее этот вариант развития событий в голову не приходил, и она слегка испугалась, представив себе зал суда, грозного прокурора, неумолимого судью, надменных приставов, злорадствующих зрителей, и беспомощного адвоката в голубой жилетке. И как ее приводят туда, почему-то в холщевой рубахе до пят, босую, в наручниках, и какая-то пожилая зрительница вскакивает с места и, перстом указуя, кричит истошно – «Вот она, змея подколотная! Вот она, душегубица, люди добрые!»

– Но что же делать? – спросила она растерянно. – Я хотела заплатить, но нужно назначить встречу...

– Заплатить! – презрительно воскликнула мать. – Экая ты скорая! Заплатить! Нечего было в долги залезать, услуги заказывать!

– Я не заказывала!

– А чего ж тебе такие письма приходят, если не заказывала? Не ври. Заплатить она хочет. Расщедрилась, дура. Из каких средств, спрашивается? Я вот хочу вязальную машину купить, а средств нет! Ты ведь так нас всех по мирупустишь. Ну, я-то что, я женщина пожилая, никому не нужна, черт со мной, пропади я пропадом, туда мне и дорога, но сын-то твой безмозглый – ему ж пить-есть что-то надо? А ну-ка он по твоей подлой милости голодать будет? А вот посадят тебя, а его в детдом!

– Но как же – что же – почему в детдом, что ты плетешь, почему в детдом, а ты что же... – заволновалась Фотина.

– Что – я? На одну пенсию с внуком не проживешь. Гадина.

Коля вышел из спальни, и Крессида Андреевна, сделав трагическое лицо, сказала:

– Иди сюда, иди к бабушке, горемычный ты мой! Пустит мать твоя, шлюха, нас с тобой по миру, будем мы на дорогах милостыню просить! Вот какая у тебя мать.

Фотина хотела было закричать, но Крессида Андреевна сказала:

– Ну, что, доигралась, гадина? Допрыгалась? Вот оно письмо, вот.

Фотина замолчала, подавленная. Мать, рассматривая письмо из учреждения и так, и эдак, в конце концов сказала:

– Тебе нужно посоветоваться с кем-нибудь, кто в этом разбирается, дура. Вот сосед наш, например, поняла? Хороший человек, Валерий Палыч.

Фотина подумала, что мать просто свирепствует, такой у нее характер, но это глупости – судить человека, и в тюрьму сажать, за три тысячи семьсот неуплаты. Это ведь смешно даже в некотором смысле. Говорят, люди воруют миллиардами, и ничего. А с другой стороны как-то неприятно. Да и платить не хочется. И так все деньги уходят неизвестно куда. И действительно нужно бы с соседом посоветоваться.

Она поправила пояс на халате, тронула рукой волосы, проверила, нет ли на тапочках с помпонами каких-нибудь подозрительных пятен, и вышла в коридор, в котором из трех ламп под потолком одна горела, а две других мигали, что и делало лестничную площадку похожей на место действия какого-то киноужастика, либо арт-хаусных воспоминаний о прошлом именитого режиссера.

Валерий Палыч в трусах и майке, с сияющим лбом, открыл Фотине дверь.

– Здравствуйте, – сказала Фотина. – Вот мне письмо пришло, Валерий Палыч, и я не знаю, что делать.

– Детей воспитывать нужно, – сказал Валерий Палыч, почесывая шею и обнажая поросшую кустистыми волосами подмышку. – Дети – наше будущее, да, Фотина Олеговна.

– Я воспитываю, – откликнулась сбитая с толку Фотина.

– Плохо воспитываете.

– А что, Колька мой натворил чего-нибудь? – пугаясь и сердясь на Кольку, спросила Фотина.

– Ну, это вам решать, натворил он что-то или нет, да? Или только собирается натворить. Я всего лишь говорю вам, что детей нужно хорошо воспитывать, да? Иногда и строгость не мешает. И пример нужно хороший подавать.

– Валерий, кто там? – спросила из глубин квартиры повышенным тоном жена Валерия Палыча.

Валерий Палыч помедлил, потом повернул голову на девяносто градусов, и, стоя профилем к Фотине, громко сказал:

– Соседка пришла. Ты чайник поставила?

– А? – крикнула жена из квартиры.

– Я говорю, чайник поставила?

Ответа не последовало.

– Вы обождите, да? – сказал веско Валерий Палыч. – Я сейчас.

Он повернулся и пошел вглубь квартиры. Дверь захлопнулась – Фотина постеснялась ее придержать. Слышно было, как Валерий Палыч кричит на жену, припоминая старые обиды, а жена кричит в ответ, излагая свое невысокое о нем мнение. Некоторое время спустя Валерий Палыч прошаркал тапочками обратно к входной двери и открыл ее – проверить, ушла ли Фотина, или ждет. Увидев, что ждет, Валерий Палыч сказал:

– Ну так что же ... э...

Фотина подняла одной рукой письмо, а другой на него, письмо, указала.

– Вот, Валерий Палыч, мне письмо пришло.

– И что же?

– Я не понимаю, что они хотят.

– А, не понимаете? Ну, что ж, может ... давайте, я посмотрю ... да?

Он взял у нее письмо и некоторое время его изучал, двигая жидкими седоватыми бровями.

– Нет, – сказал он наконец, – без очков не вижу ни ... – он употребил эвфемизм, которым люди, живущие в Автово и считающие себя высококультурными, пользуются в присутствии малознакомых дам, дабы не оскорблять женский слух наименованиями детородного органа. – Да. Я сейчас, вы обождите.

И он снова углубился в квартиру, и снова Фотина побоялась придержать дверь, и дверь захлопнулась, на этот раз с шумом. На шум выглянула соседка слева, маленькая смуглая женщина, посмотрела осуждающе на Фотину, и сказала:

– Не надо стучать вечером.

Фотина пожала плечами. Соседка еще немного постояла, придерживая дверь, а потом скрылась в квартире, и дверь за собой закрыла тихо, подавая пример. Именно эта соседка, по подозрению Крессиды Андреевны, являлась автором распечатанного на принтере и прикрепленного возле мусоропровода объявления:

«Не ложите мусор на пол и на раковину в мусорной комнате. Тошнотворно не помещается в мусора-провод, вы должны принести его в подвал. Помогите содержать чистоту здание для ваших комфорта и для наших. Адменюстрация».

Прошла минута, потом еще одна, и еще одна. На пятой минуте ожидания, решив, что о ней забыли, Фотина нажала кнопку звонка. В квартире раздались голоса, потом упал на пол какой-то полый предмет из жести (судя по звуку), за ним еще один, после чего послышалась

грубая брань, и затем снова раздалось шарканье, и Валерий Палыч открыл дверь, держа в руках письмо. На носу у него теперь помещались крупных размеров очки для чтения.

– Да, так вот ... – начал Валерий Палыч, вникая в смысл письма. – Ну, что ... Вы, Фотина Олеговна, должны им три тысячи семьсот условных, так сказать, единиц, да? Вот они вам об этом и сообщают. – Он покивал, на всякий случай еще раз посмотрел на письмо, снял очки, и протянул письмо Фотине. – Вот, в общем, и всё, да?

– Но я ни о каких услугах их не просила, и ... я не знаю ... это какая-то ошибка.

– Почему же? – удивился Валерий Палыч. – Давайте, Фотина Олеговна, рассуждать логично, да? Мы ведь с вами, да, люди логические. Адрес ваш? Ваш. Имя на письме стоит ваше? Ваше. Следовательно, именно вы и задолжали этой «Комиссии» именно эту сумму.

– Нет, это недоразумение, я...

– Ну, если вы считаете, что это ошибка, да? Нужно им позвонить, и сразу все выяснится.

– Я пыталась, но это очень трудно, там не отвечают...

– Ну, это теперь везде так, – сокрушенно и почти сочувственно сказал Валерий Палыч. – Много организаций, много работников, много дел. Никому не дозвонишься. Но те, кому нужно, дозваниваются, да? – наставительно добавил он. – Ну, всего доброго.

– Но что же мне делать? – спросила Фотина.

– Я ведь вам уже сказал, что делать, – раздраженно ответил Валерий Палыч. – Звонить, да? Спокойной ночи, Фотина Олеговна.

И он закрыл дверь. Фотина еще некоторое время стояла перед закрытой дверью и слушала, как Валерий Палыч говорит жене что-то о дуре соседке, которая не понимает ничего, ни письма, ни сказанное ей русским языком, и пошла домой.

– Ну, что он сказал? – спросила мать.

– Ничего.

– Ничего? Не может быть. Он неглупый.

– Ничего не сказал. Оставь меня в покое.

– Что значит – ничего не сказал? Ты не придумывай мне тут.

И так далее. Кольке на всякий случай дали подзатыльник в рамках воспитания детей.

4

На следующий день сотрудница, молодая самурзаканка из Абхазии по имени Миранда, узнав о горе Фотины, посоветовала:

– Может, на интернете есть. Надо на интернете посмотреть, может у них есть сайт. Может, все можно через интернет. Давай я попробую.

Она стала искать по интернету «Комиссию», пользуясь мобильным телефоном. Нашла несколько упоминаний, но сайт не обнаружился.

– Тебе надо к юристу, – сказала Миранда. – Юристы такие дела решают незамедлительно, некоторые даже бесплатно. В крайнем случае он тебе посоветует, что делать. Что ты теряешь? У меня есть подруга, у нее знакомый юрист. Хочешь, я ей позвоню.

– Нет, я не буду звонить юристу, – заупрямилась Фотина. – Еще чего. Я лучше туда схожу.

– Куда?

– В «Комиссию» эту. Отпрошусь вот у Ахмеда и пойду.

Ахмед отнесся к просьбе Фотины без энтузиазма, но все-таки разрешил ей отлучиться. Был он, несмотря на некоторую степень свирепости, мягкотел и податлив, а химчистка принадлежала на самом деле не ему, а его дяде, скрывавшемуся от налоговой управы в доме на Атлантик Авеню в Бруклине, штат Нью-Йорк. Атлантик Авеню пересекает самые неприятные районы Бруклина, архитектура на ней уродливая, а живут там в основном бедные негры и равнодушные к западной архитектуре мусульмане из экзотических стран; впрочем, очень скоро власти вкупе с богатыми строителями обещают закончить постройку нового крытого стадиона, после чего и наступит на Атлантик Авеню благоденствие с роскошными ресторанами, садами, парками, и барами. Здание Бруклинской Филармонии, уютящееся по соседству с Атлантик Авеню более ста лет, никак на состояние района почему-то не влияет, но стадион, власти уверены, повлияет совершенно точно и очень скоро.

Фотина села на метро и доехала до станции Маяковская, потому что так поступить ей посоветовала Миранда. Оттуда, время от времени преодолевая стеснительность и распрашивая прохожих, она добралась до Разъезжей и повернула направо. И вскоре нашла нужный ей адрес.

Здание было обычное питерское, неоклассическое, с официального вида входом. Еще лет десять назад в таких зданиях иногда располагались бордели. Внутри наличествовал вестибюль, конторка, и за конторкой конторщица, похожая на министра спорта Виталия Мутко. Надменно взяв у Фотины письмо и отвлекшись один раз на телефонный звонок и один раз на обмен любезностями с какой-то знакомой, работающей в этом здании и шедшей на перерыв, конторщица объяснила, что Фотине нужно на третий этаж, направо.

Фотина поднялась по лестнице, подкрасила губы, повернула направо, и оказалась в помещении с немалым количеством апатичного народа на китайских складных стульях, со стеклянной перегородкой и окошечками на манер банковских. За окошечками сидели служащие. Над окошечками висело электронное табло, высвечивающее фамилии пришедших и номер окошечка, в которое им следует обратиться. С правой стороны находилось отдельное, независимое окошечко, и над ним белела приклеенная к перегородке неровная бумажная полоса, на которой жирным зеленым фломастером было кривовато но без ошибок написано «Информация».

Поняв, что ее имя на дисплее не высветят, поскольку встреча не назначена, Фотина направилась именно к «Информации». Там уже ждали в очереди несколько человек. Минут через сорок, дождавшись своей очереди, Фотина обратилась к окошечку, и сердитая пожилая тетка сказала ей:

– Ну, что там у тебя?

Фотина протянула ей в окошечко письмо и объяснила:

– Вот.

Тетка с сомнением посмотрела на письмо, затем на Фотину, затем опять на письмо, и осторожно взяла его из фотининых рук. Пробежав глазами первые строки и глянув на цифры, тетка сказала:

– В порядке общей очереди. Следующий!

– Но ведь я-то ... я ведь ... – замямлила Фотина, оглядываясь на стулья.

– Тебя вызовут. Иди, сядь. Следующий!

– Но как же меня вызовут, откуда они узнают, что я здесь?

Тетка саркастически наклонила голову вправо и сказала:

– Телепаты они. Сказано тебе – вызовут, значит вызовут.

– Но они ведь не знают...

– Чего не знают? Ты встречу назначила, так? Значит вызовут. Иди.

– Нет, я не назначила...

– Не назначила? А чего тогда припёрлась? Назначь сперва встречу. Все, давай, иди себе.

– А как ее назначить...

– По телефону! – с возмущением сказала тетка. – По телефону встречи назначают! Во всем мире! Это аппарат такой. Вот такой, видишь? – и она указала на телефон, стоящий у нее на столе. – Поднимаешь трубочку, набираешь номер, говоришь в трубочку – пожалуйста, назначьте мне встречу. Поняла?

– Но я пыталась, там не отвечают.

– Значит, мало пыталась. Всё? Поняла наконец, или нет еще? Долго ты еще будешь мне на нервы действовать? Иди. Иди, тебе говорят.

– Но ведь не отвечают...

– А я-то при чем? Слушай, девушка, имей совесть, вон за тобой десять человек народу, все ждут, а ты стоишь и ноешь тут, губами своими покрашенными шлепаешь. Иди.

– Но...

– Всё, я сказала! Следующий!

Фотина отошла от окошечка растерянная.

В этот момент отворилась едва заметная дверь, ведущая за загородку, и в помещении выявился мужчина средних лет в сером костюме и белой рубашке, с ослабленным галстуком, с большим животом, с торчащими в разные стороны остатками темных от пота волос над ушами. Вошел он, отдуваясь, утер рукавом пиджака обильный пот со лба, покачал головой, будто хотел сказать, что ничто его в этом мире больше не удивит, кругом безобразие и тупость, и неожиданно уставился на стоящую столбом Фотину. Усмехнулся понимающе, снова покачал головой, и подошел к ней.

– Что, статс-даме нашей, Адрианне Евгеньевне, под горячую руку попались? – спросил он насмешливо, но с оттенком затаенной грусти. – Вот же стерва она, наша Адрианна Евгеньевна, вот же тварь неумная. – И, видя, что Адрианна Евгеньевна прильнула лицом к окошку, ища глазами того, кто о ней так нелестно отзывается, повысил голос: – Да, да, это я о вас, уважаемая Адрианна Евгеньевна, о вас, ваше драконоподобие, чтоб вам с катушек слететь! Вам нет больше радости, чем человеку нахамить. Вот стоит женщина несчастная, пришла к вам попросить – о чем? Всего лишь о помощи. Помощь – это ведь так человечно, так благообразно и благородно! Так по-русски, в конце концов! Пришла – а вы ей в лицо хамите! Будто она на ваше место нацелилась! Будто мышьяку вам в щи насыпала! Будто она враг ваш кровный, родовой.

– Ты, Степаныч, хайло-то запахни! – сказала из окошечка Адрианна Евгеньевна. – Тебя на ковер давно не вызывали? Вызовут, не волнуйся! Я тебе устрою! Ты у меня попляшешь, пидор жирный!

– А чего еще от вас ждать, Адрианна Евгеньевна? – патетически воскликнул Степаныч. Так, с вызовом и чуть визгливо, кричали, наверное, на мускулистых жандармов русские интел-

лигенты времен Николая Чернышевского. – Чего еще экспектировать от такой brutальной ведьмы, как вы? Почему вы до сих пор здесь? Почему не бежите доносить на меня начальству? Вы не в форме? Несчастливая женщина приходит помощи просить, а вы ей камень в руку!

– Хочешь – сам ей и помогай. Умный больно! Козёл! – сказала Адрианна Евгеньевна.

– А ведь и помогу, ваше дряхляющее змеегадство! Ведь и помогу! Но ведь не устыдитесь вы несколько, Адрианна Евгеньевна, ни на йоту не потревожится темная душа ваша, ни одной, не побоюсь этого слова, фиброй не дрогнет она! Вы большие надежды подавали, в художественных жюри восседали, перманентом трясся, вас по телевизору показывали? Несправедливо, говорите, выгнали вас? Это еще как знать! Пораспрашивать бы ваших бывших коллег – уверен, что у них много есть, чего о вас порассказать! По скольким головам прошли, сколько крови испортили добрым людям, а, Адрианна Евгеньевна? Нет, не зря вас ото всюду поперли, не зря вы в этом дупле своем торчите – потому как сова вы и есть, Адрианна Евгеньевна! Самая настоящая сова!

– Ах ты клещ поганый! – возмущенно сказала из окошечка Адрианна Евгеньевна. – Ах ты ... ох, плохонько мне ... где-то валидол был ... девушки, не откажите ... Ах ты, змей мерзкий! Ох...

– Пойдемте отсюда, – с достоинством сказал Фотине Степаныч. – Пойдемте со мною из этой клоаки, самый воздух которой пропитан ненавистью и мелкими интригами. Пойдемте. Я вам помогу, чем смогу.

И они пошли – Степаныч впереди, порывисто, Фотина позади, к выходу. В коридоре Степаныч повернул от лестницы в сторону, в примыкающий коридор, и распахнул дверь в просторный, с высокими окнами, кабинет. И сказал:

– Прошу вас.

Фотина вошла. В кабинете было относительно чисто. Помещался неподалеку от окна массивный письменный стол с дисплеем и бумагами. Вдоль потолка по периметру шел белоснежный, недавно побеленный, с красивым узорчатым фризом антаблемент.

– Присаживайтесь, – сказал учтиво Степаныч, обходя стол и включая дисплей.

Фотина, немного подумав, присела на краешек кресла перед столом, сдвинув обе ноги вправо, как делают это дамы из высшего общества на светских приемах – вместо вульгарного закидывания ногу-на-ногу. Она не знала, что так поступают дамы. Она сделала это инстинктивно.

Степаныч тоже присел.

Взгляд Фотины упал на именную бронзовую табличку на столе, на которой значилось «К. В. Тютчев». Она подняла глаза на Степаныча. Он оторвался от дисплея.

– Это ваша фамилия? – спросила неожиданно для себя Фотина.

– А? Ах, это ... нет, это Костя тут ... это Костин кабинет. Костя сейчас в отпуске, ну и мне, по моей загруженности, допускается пользоваться. Нет, меня зовут Василий Мережковский, можно просто Вася, если хотите. Вот именно, Вася. Хотите выпить? У Кости всегда большой запас, но тут все время на нервах, поэтому, не буду скрывать, я большую часть запаса употребил. Целый день как в колесе...

Он выдвинул ящик стола и выволок на свет бутылку скотча с красивой этикеткой. Еще пошуровав в ящике, достал он два тамблера, и оба проверил на чистоту, направив их на окно и посмотрев сквозь дно. Фотина сказала:

– Нет, спасибо.

– Ну, как хотите, а я пожалуй, с вашего позволения...

Вася Мережковский налил себе на три пальца, отпил половину, поставил тамблер на стол, и перебрал клавиши под дисплеем. И спросил:

– Как вас зовут?

– Фотина ... Фотина Плевако. Фотина Олеговна Плевако.

– Плевако, Фотина ... Плевако ... Пирогов, Писемский, Пицкер ... Плевако. Ага, вот. Фотина Олеговна. Посмотрим ... ага. Обеспечение необходимой информацией. Эка у нас терминология! Просто в рожу плюнуть хочется тому, кто ее придумал. Какая-то право шанкроя сыпь на теле русской словесности. Ага. Ну, это Брянцев приложился. Необходимая информация, надо же. Знаем мы эту информацию. Ах, Брянцев, ах, скотина! Но дело свое реально знает, нужно ему должное отдать ... воздать ... Три тысячи семьсот, как одна копейка. Будто они на дороге валяются. Понятно, как для Брянцева, так это не деньги, у него жена богатая, а вот у трудового, с позволения сказать, народа это вполне могут быть деньги! Вы – мать-одиночка, Фотина Олеговна?

– Да, я ... мы с мамой живем. С моей мамой.

– В квартире?

– Да.

– Купленная квартира?

– Отец купил когда-то.

– А где сейчас ваш отец?

– Умер. На севере.

– Полярник?

– Что-то вроде этого.

– Да. Невоспетые герои. Вся история России – сплошные невоспетые герои, Фотина свет Олеговна! Вы работаете?

– Да.

– Где, если не секрет?

– В химчистке.

– О! Это ново. Уж я думал в химчистках только восточный контингент работает. Приятно знать, что в какой-то химчистке работает русская женщина. Не от хорошей жизни, конечно, а все равно приятно. Образование у вас какое? Школу окончили?

– Окончила.

– И после школы сразу на работу...

– Нет.

– Нет?

– Нет, я потом дальше учиться пошла.

– В институт?

– Да.

– И на кого учились?

– На филолога.

– О! Языки знаете?

– Французский. Но не бегло. Давно это было.

Вася Мережковский откинулся в кресле.

– Будьте добры. Не в службу, а в дружбу. Я так устал от нашего мата, от скобарского говорка на улицах и в подъездах, интеллигентную русскую речь нынче мало где услышишь ... французский язык, университетский – это как бальзам, право слово, бальзам на душу, Фотина! Не откажите – скажите что-нибудь по-французски. Какие-нибудь строчки из каких-нибудь стихов! Пожалуйста! Умоляю вас!

Фотина подумала немного и сказала:

– Souvent, pour s'amuser, les homes d'équipage ... Prennent des albatros, vastes oiseaux des mers ... Qui suivent, indolents compagnons de voyage ... Le navire glissant sur les gouffres amers...

– Замечательно! – воскликнул, бодро вскакивая на ноги, Вася Мережковский. – Какая прелесть! Какое звучание! Невероятно! – Он снова опустился в кресло и запрокинул голову. – Ах, Фотина, что сказать, что сказать! Вот сидим мы здесь, в этом казенном сарае, занимаемся

черт-те чем. Вы пришли – имевши глупость оставить заявку на информацию, и бессовестный, безжалостный Брянцев тут же вас и припечатал, и дал задолженности вашей ход по инстанциям...

– Я не оставляла заявку...

– А? Ну, это не важно. Может и не оставляли. Это же тоска какая, Фотина! Посмотрите только на это окно – мутное, а за ним дождик серый, влага, влага, сырость, сплин, а еще бывает и холод собачий посреди весны. Какая у нас в Питере весна – своими глазам каждый год видите. А сидели бы мы с вами, Фотина, на какой-нибудь уютной улочке в Париже, в кафе, со столиками на тротуаре. Там каштаны, липы, там даже в пасмурные дни легко дышать, там молодежь веселая, а люди в возрасте мудры и остроумны, хоть и не без доли цинизма. Эх! Какой язык – я, когда слышу французскую речь, Фотина, я теряюсь, я утрачиваю контроль над собою, меня переполняет восторг. Люди, которые говорят на таком языке, не могут быть тоскливыми и унылыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.